

M. J. Herzog. The Jiddish language in Northern Poland: its geography and history. Bloomington — The Hague, 1965; Сб. «The field of Jiddish» II. New York, 1965.

Хотя скандинавские диалектологи уже создали ряд исследований по лексике, грамматике и фонетике различных ареальных говоров Швеции, Дании и Норвегии (достаточно, например, назвать известные диалектные словари В. Кристи, Х. Венделла, П. Петерсона, И. Есперсена и др.), диалектологическая работа в этих странах продолжается. Из последних исследований по скандинавской диалектологии можно указать на монографию Г. Видмарка «География слов и история языка» (G. Widmark. Ordgeografi och språkhistoria. — Slsf. Stockholm, 1963), где география слов в шведских диалектах рассматривается в связи с историей звуковых изменений, а также на диалектный словарь шведской области Тюлу-Скуген (J. W. Grill. Ur folk-språket på Tylo-Skogen. — Slsf. Stockholm, 1964), составленный более ста лет тому назад, но до последнего времени не опубликованный (словарь публикуется с введением и комментариями Р. Броберга).

Переходя к работам по фламандской и голландской диалектологии, следует отметить докторскую диссертацию Я. Гоосенса, посвященную семантическому развитию слов, обозначающих обработку земли в бельгийских говорах Лимбурга (J. Goosens. Semantische vraagstukken uit de taal van het landbouw bedrijf in Belgisch-Limburg, I—II. Antwerp, 1963). К работе, содержащей детальное объяснение новых принципов ареально-семасиологических исследований, применяемых автором, и методов сбора материала, приложены многочисленные карты исследованных слов. При этом каждая woord kaart всегда дается в зависимости от betekniskaart и zaakkaart.

В ежегодно публикуемых «Сообщениях неймегенского диалектологического и топонимического центра» дается информация об успехах в составлении диалектных словарей областей Барбант и Лимбург, а также ряд статей, посвященных географии слов («Mededelingen van de Nijmeegse Centrale voor Dialect- en Naamkunde», 1963, 1964, 1965). Следует, наконец, указать на работы: T. van Veen. Utrecht tussen Oost en West. Studies over het dialect de provincie Utrecht. Utrecht, 1964; B. C. Damstegt. Syntaktische verschijnselen in de taal van Antoni van Leuvenhoek (TNTL LXXXI, 3, 1965), представляющие собой чисто описательное изложение основных особенностей рассматриваемого говора.

В исследовании Я. Гоосенса и Я. ван Бакеля подробно рассматриваются ареальные вариации семантики ряда голландских диалектных слов и делаются интересные общетеоретические выводы (J. Goosens, J. van Bakel. Taalgeographie en semantiek. Amsterdam, 1964).

М. М. Маковский

F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. II, zesz. 5 (10) (kooperatywa—kot). Kraków, 1965

Новым выпуском заканчивается второй том польского этимологического словаря Ф. Славского. Следующий, третий том этого словаря также начнется со слов на букву *k*. Этой одной букве автор посвятил весь второй том своего словаря, так и не исчерпав ее, что находит себе объяснение отчасти в том, что, как известно, именно буква *k* оказывается обычно наиболее многочисленной в этимологических словарях славянских языков. Отчасти же объем данной части словаря Славского объясняется возросшей тенденцией автора к обстоятельности. Этот выпуск, как и предыдущие, характеризуется рядом бесспорных достоинств, если иметь в виду богатство фактических данных, постоянное привлечение лексики славянских народных диалектов по новым изданиям и источникам, широту сравнительного фона (славянского и индо-

европейского), постоянное внимание к старой и новой географии слов, выделение древних ареалов (ср. ряд примеров с пометой «севернославянский»), четкость праславянской реконструкции и т. д., не говоря об отличных по-прежнему качествах этимологического анализа.

Автор вместе с тем нередко, как и прежде, излишне щедр и обстоятелен в изложении менее важных или даже принципиально несущественных подробностей, что особенно регулярно можно наблюдать на примере словарных статей по заимствованной новой лексике. Так, к определенной избыточности сообщаемых сведений следует отнести практику прослеживания соответствий польскому слову *korwet* во в с е х прочих славянских, включая белорусский и македонский языки. Подобных примеров в словаре немало, и все они вызывают критику практической фиктивности получаемых ареалов и самих соответствий, потому что реально речь может вестись для разных славянских языков о самостоятельных разнонаправленных заимствованиях (из западно-европейского источника; из другого славянского языка).

Едва ли будет точно говорить о праславянском диалектном (северно-славянском) **koptiti*: деноминатив от **kopъtь* уместно восстанавливать в форме **korъtiti* (см. стр. 453). Следует иметь в виду, что огласовка н.-луж. *koruto* есть не более как рефлексация первоначального древнего **kopyto* подобно другим таким же случаям в этом языке (ср. хотя бы совершенно регулярное отражение праславянской приставки **vy-* в виде нижнелужицкого *wu*). Ср. стр. 470 словаря, где нижнелужицкая форма рассматривается как равноправный вариант наряду с др.-русс. *копато* 'копыто' и *kopyto* в большинстве славянских языков. Очень сомнительна попытка истолковать *-ab-* в праслав. **korabъjь* как «детерминант» корня **(s)ker-* (стр. 473). Вызывает возражения и ход доказательств при этимологизации польск. *korcić* 'беспокоить, тревожить' (стр. 477—478): в.-луж. *korcić* 'долбить, придавать форму корыта', которому автор придает решающее значение в ряду форм, реконструируя на его основе глагол **korъtiti* (откуда, якобы и польск. *korcić* и имя **korъto*, должно быть решительно устранено из числа соответствий данного польского слова, поскольку лужицкая форма *korto* может быть объяснена только из синкопированного **koryto* (а не **korъto*). Славский предпочитает этимологизировать польск. *koszar*, *koszara* 'загон для овец' (и т. д.) как праславянское производное от славянского же **košъ* 'корзина, плетенка' (стр. 540). Но при этом не следовало бы совершенно оставлять без упоминания и другой реальной возможности — из балкано-романского продолжения лат. *caseāria* 'сыродельня' (ср. хотя бы: Н о л и б—К о р е с п ъ, s. v. *košār*), ср., например, продолжение именно последней формы в рум. *cășărie* ж. 'сыроварня, овчарня', молд. *kășărie* то же: рум. *caș* 'свежий овечий сыр', молд. *kaș* то же. Следует иметь в виду, что в карпатском пастушеском быту (а данное название загона для овец концентрируется именно вокруг карпатской области) понятия загона для овец и сыроварни совпадают, сыр варят сами пастухи тут же, в горах. Славский, обосновывая объяснение слова *koszara* из славянского, выделяет суффикс *-ara*, ссылаясь на наличие последнего в аугментативном и локальном значениях в сербохорватском. Но дело в том, что именно этот суффикс *-ara* в сербохорватском восходит (через утверждение *ri > r*) к латино-романскому *-āria*, что также косвенно говорит в пользу происхождения польск. *koszara*, с.-хорв. *кѡшара* и других близких форм из формы румынского типа от лат. *caseāria*.

С другой стороны, в данном выпуске находим ряд примеров тщательной разработки семасиологии и этимологии слов, ср. статью *корно* (стр. 464 и сл.). Опечатки встречаются не часто, ср. *warżqchew* (стр. 510), надо читать *warzqchew*.

О. Н. Грубачев